

Оглавление¹

Подсекция «Иберо-романское языкознание»

<i>Ануфриев А.А.</i> Испанские модальные предикаты <i>esperar</i> и <i>temer</i>	406
<i>Кистерева Е.Э., Кистерева М.Э.</i> Сравнительный анализ структуры первых испанских и русских грамматик.....	408
<i>Новикова Н.К.</i> Некоторые аспекты сопоставительного изучения глаголов испанского языка <i>llegar</i> и <i>venir</i>	411
<i>Овчинникова А.В.</i> О бинарной пространственной оппозиции «верх-низ» в испанской языковой картине мира.....	414
<i>Симонова М.В.</i> К истории переводов «Тихого Дона» М.А. Шолохова в Испании.....	416
<i>Тихомирова А.В.</i> К вопросу о коммуникативных характеристиках текстов пресс-релиза (на материале испанского языка).....	418

¹ Внимание! Страницы электронной версии не совпадают со страницами опубликованного сборника секции «Филология»!

ИБЕРО-РОМАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Испанские модальные предикаты *esperar* и *temer*

Ануфриев Александр Александрович

Аспирант Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва

Особенностью испанской грамматики является зависимость выбора наклонения придаточного предложения от семантического типа сказуемого в главном предложении. В большинстве случаев дистрибуция обусловлена формальными условиями, однако нередко узус демонстрирует колебания в выборе того или иного наклонения придаточного предложения, что противоречит требованиям нормативной грамматики. Описание «второстепенных» семантических факторов – наша задача.

Глаголы *esperar* («надеяться») и *temer(se)* («бояться») – высокочастотные модальные предикаты, описывающие эпистемическую гипотезу. В качестве модальных операторов, присоединяющих придаточные изъяснительные предложения (*Espero que...*), они выражают отношение говорящего к пропозиции зависимой части. Отличительная особенность этих глаголов в том, что они одновременно служат для выражения эмоциональной и рациональной оценки. Оба глагола при эпистемическом употреблении описывают, соответственно, позитивное и негативное ожидание – гипотезу и вместе с тем надежду или опасение.

Испанисты относят *esperar* и *temer* к модальным предикатам, которые допускают в придаточном употреблении как изъявительного (*Indic*), так и сослагательного (*Conjunct*) наклонения. Большинство исследователей считает оппозицию *Indic/Conjunct* семантически значимой для обоих глаголов. Говорящий в зависимости от ситуации выбирает или *Conjunct*, когда в семантике глагола доминирует эмоциональный компонент, или *Indic* при описании гипотезы-полагания, где эмоция отходит на второй план. Если в первом случае семантика глаголов близка к *sentir* («сожалеть»), то во втором она сближается с глаголами мнения и предположения типа *creer*, *suponer* [Ángeles Sastre: 101–102; Porto Dapena: 140]. Т.е. гипотеза, основанная на надежде или страхе, имеет под собой меньше оснований, нежели просто гипотеза-полагание, основанная на более рациональных доводах. Поэтому такая гипотеза описывается *Conjunct*, наклонением неуверенности и сомнения, а не *Indic*, выражающим уверенность. В то же время надежда и опасение по сути представляют собой желание и нежелание, а волеитивный компонент в испанском всегда связан с *Conjunct*. [Gramática descriptiva: 3218, 3229]. Таким образом, именно выбор наклонения помогает говорящему уточнить семантику глагола, выводя на первый план определённые оттенки значения, делая гипотезу более или менее уверенной.

Исследование узуса показывает, что для обоих глаголов более характерно употребление *Conjunct*. Отсюда, с одной стороны, можно заключить, что первичным компонентом значения *esperar* и *temer* всё же является эмоция. Сослагательное наклонение дублирует основное значение модального предиката, а изъявительное помогает выявить в его семантике дополнительные смыслы. С другой стороны, степень уверенности гипотезы зависит не только от наличия или отсутствия эмоции. В каждом конкретном случае говорящий исходит из своих прагматических целей и выбирает наклонение, учитывая множество факторов.

В ряде контекстов говорящий особенно часто выбирает «нехарактерный» *Indic*. К таким контекстам, прежде всего, относятся случаи, где субъект речи совпадает с субъектом оценки (1-е лицо ед. числа наст. времени). Говорящий в данном случае сам волен «распоряжаться» семантикой глаголов, может сосредоточиться на своих прагматических целях, не думая о том, как передать чужую оценку. Отсюда и большая свобода в выборе наклонения.

Отметим, что конструкции *espero que*, *(me) temo que* в большом количестве встречаются в языке СМИ. Прагматический компонент в таких контекстах играет огромную роль. Эмотивный и волевый компонент могут как отступать на второй план, так и дополнять (не)благоприятный прогноз говорящего, которому необходимо убедить собеседника в своей правоте. Часто такие конструкции становятся в прессе некой устоявшейся формулой для выражения точки зрения, к которой должны относиться с уважением. В этих случаях надежда и опасение почти не проявляются в значении глаголов, которые становятся полностью синонимичными глаголу *creer* («считать/думать»), который практически всегда употребляется с *Indic*. Задача говорящего состоит в том, чтобы заявить свою гипотезу не как мнение, а как истину. Употребляя индикатив, говорящий как бы делает гипотетическое реальным.

Интересно, что у *temer* выбор наклонения в данном случае во многом зависит от выбора возвратной или невозвратной формы лексемы. Формы *me temo* и *temo* образуют оппозицию. (Примечательно, что в контекстах, где субъекты речи и оценки не совпадают, эта оппозиция нейтрализуется.) Контексты с *temo que* в основном встречаются в разговорной речи. Как и в высказываниях с *espero que*, количественно преобладает *Conjunct*. В контекстах с *me temo*, встречающихся в СМИ, уже преобладает *Indic*. Употребление *Conjunct* в таких случаях делает гипотезу более экспрессивной, иногда показывая, что прогноз неблагоприятен и для самого говорящего.

С помощью индикатива могут выражаться и другие смыслы. Например, гипотеза может быть завуалированной просьбой, а индикатив гарантом её выполнения; с помощью индикатива говорящий выражает уверенность в действиях субъекта пропозиции.

Типы контекстов, где говорящий не совпадает с субъектом оценки, оказываются противопоставленными вышеописанным. В той же мере, что и для медийной речи, такие контексты характерны для разговорной и художественной, где *esperar* и *temer* в большей степени описывают эмоциональное состояние, т. е. выступают в своём основном значении. Поэтому выбор *Indic* становится скорее исключением, а *Conjunct* выбирается почти автоматически. Преобладание последнего объясняется и чисто прагматически. Говорящий заведомо относится к чужой гипотезе с недоверием, к которому часто примешиваются ирония и неприязнь. Соответственно, в редких случаях выбора индикатива говорящий обычно либо солидаризируется с чужим ожиданием, либо дистанцируется от чужих слов, снимая с себя всякую ответственность. Кроме того, в контексте прошедшего времени обычно известно, реализовалась гипотеза к моменту речи или нет. В этом случае индикатив может показывать, что гипотеза была оправдана, или подчёркивать, насколько в неё верил субъект оценки.

Таким образом, употребление изъявительного или сослагательного наклонения в эпистемических высказываниях с *esperar* и *temer* нельзя объяснить с формально-семантической точки зрения. Собственно эпистемический, эмотивный и волевый компоненты значения почти всегда присутствуют в них. В зависимости от прагматического контекста (сферы употребления, наличия или отсутствия перлокутивных целей, совпадения или несовпадения субъекта речи и оценки и т. д.) они реализуются говорящим в большей или меньшей степени, в том числе и путем выбора наклонения.

Литература

Ángeles Sastre M. El subjuntivo en español. Salamanca, 1997.

Porto Dapena J.A. Del indicativo al subjuntivo. Madrid, 1991.

Gramática descriptiva de la lengua española. Madrid, 2000.

Сравнительный анализ структуры первых испанских и русских грамматик

Кистерева Евгения Эдуардовна, студент

Кистерева Мария Эдуардовна, аспирант

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

Предметом анализа в данной работе являются первые грамматики испанского и славянского языков как представители западного и восточного вариантов развития греко-латинской грамматической традиции. Основываясь на католическом и православном культурном фоне соответственно, они тем не менее имели общую базу и русло развития. В ходе работы мы опирались на тексты: *Gramática castellana* A. de Nebrija (1492); *Грамматика словенска* Лаврентия Зизания (1596); *Грамматики словенскиен правилное синтагма* Мелетия Смотрицкого (1619) (название русских грамматик приведено в упрощенной современной орфографии).

Работа Небрихи не только стала первым полноценным грамматическим описанием кастильского языка как официального языка Испании, но и вообще первой печатной грамматикой народного языка Европы [Сулимова: 25–26].

Что касается грамматик Л. Зизания и М. Смотрицкого, являясь первой реализацией греческой грамматической традиции на материале восточнославянской редакции (или русского извода) церковнославянского языка, они несомненно использовали опыт предшественников, параллельно привнося плоды собственных изысканий, а в дальнейшем составили методологический базис для русской грамматической мысли.

Для наглядной демонстрации сходных черт и примеров оригинальности авторских подходов в построении работ в качестве начального этапа более серьезного исследования был проведен анализ построения грамматик: принципы деления корпуса грамматики, использование того или иного метаязыка и языкового материала.

Каждая из грамматик открывается вводной частью. Свой пролог Небриха адресует Изабелле Кастильской. Автор испанской грамматики, сравнивая историю развития древнееврейского, далее греческого, латинского и, наконец, кастильского языков, обозначает параллели в эволюции страны и языка, позиционирует кастильский как преемника латыни, говорит о необходимости закрепления своего языка в период расцвета, который тот, по мнению автора, переживает. Небриха указывает на дидактическую функцию своей грамматики как пособия для изучения родного кастильского, а также и латинского языков.

Зизаний в начальной части обращается непосредственно к *studеom*, т. е. самим ученикам, а Смотрицкий – к *учителемъ школнымъ*. Целями этих авторов является научить правильно говорить и писать *по-славенску*, притом Смотрицкий говорит и о возможности переложения текста со славянского на *рускій*, т. е. на разговорный язык.

Таким образом, свою работу Небриха адресует носителям языка вообще, Зизаний – непосредственно ученикам, а Смотрицкий – учителям.

Грамматика Небрихи предстает примером наследия прежде всего латинской традиции на Западе Европы. Грамматики русских авторов соединяют в себе греческое и латинское наследие. Зизаний, например, опирался на греческую грамматику «Адельфотес», на труды Э. Доната, Ф. Меланхтона, С. Лупула, А. Басея, И. Урсина. М. Смотрицкий, в свою очередь, использует опыт Доната, Диомеда, Меланхтона, Линакра, Альвареса [Кузьминова, 5-6].

Общее деление основного корпуса грамматики традиционно у всех трех авторов: орфография (фонетико-орфографический раздел); просодия (учение о видах ударения, его обозначения); этимология [=морфология]; синтаксис. Заметное отличие в построении грамматики у испанского и русских авторов – форма изложения. В то время как Небриха использует повествование, Зизаний прибегает к катехизисной форме вопрос–ответ. Текст Смотрицкого напомнимет «расшифрованную таблицу».

В корпусе грамматики Л. Зизаний к изложенному непосредственно на славянском языке добавляет *толкования* на простой мове, вследствие чего используются два метаязыка [Кузьмина: 16]. У Смотрицкого случаи употребления простой мовы единичны. В испанской грамматике логично использование кастильского в роли как метаязыка, так и языка-объекта.

Первые две части (книги у Небрихи) грамматик не имеют принципиальных различий в построении.

Третья часть, этимология, самая обширная у всех трех авторов. Количество выделенных частей речи колеблется вокруг классических восьми: десять у испанского грамматиста, восемь у русских. Так, у всех трех авторов выделены следующие семь частей речи (*partes de la oración* у Небрихи, видов слова у Зизания, частей слова у Смотрицкого): *имя, местоимение, глагол, причастие, предлог, наречие, союз*. Помимо этого у Небрихи присутствуют *артикуль, герундий*. Также испанский автор выделяет *неопределенно-причастное имя (nombre participial infinito)* в особую часть речи, что впоследствии не было поддержано испанской грамматической мыслью [Сулимова: 29]. Зизаний к семи видам слова добавляет *различіє*, по значению сходное с артиклем в западно-европейской традиции. Смотрицкий – *междометіє*, заменяющее, по его мнению, не свойственное славянскому языку различие. Причем термин *междометіє* Смотрицкий вырабатывает по аналогии с латинским *interiectio*. Фактический набор обозначенных частей речи формируется на единой базе у всех анализируемых авторов, хотя каждый из грамматистов и корректирует его по своему усмотрению.

Четвертая часть синтаксис – наименее разработанная у всех трех авторов (Л. Зизаний заявляет его в перечне частей грамматики, но опускает данный раздел). В синтаксисе рассмотрены вопросы построения предложения, построения фигур и тропов. С целью нормализации и упорядочения системы своего языка автор испанской грамматики в вопросах фразеологии следует латинской традиции, М. Смотрицкий – латинской и греческой через церковнославянский, но с утверждением своеобразия и оригинальности последнего [Кузьмина: 14].

Интересен факт, что грамматику в целом Небриха и Смотрицкий традиционно завершают обращением к богу и Зизаний – несколькими молитвами.

Итак, на наш взгляд, имеющиеся различия в построении первых испанских и русских грамматик не мешают сделать вывод о том, что оба варианта развития греко-латинской грамматической традиции, в данном случае западноевропейский испанский и восточноевропейский русский, представленные грамматиками Небрихи, Зизания и Смотрицкого, ярко демонстрируют общность базовых принципов и подходов к построению грамматического описания и их реализации на материале родного языка.

Анализируемые грамматики явились важными историко-культурными феноменами развития испанского и русского государств соответственно и основополагающими для грамматических традиций изучения национальных языков как своих стран, так и, в случае Небрихи, других государств.

Такой способ сопоставительного анализа особенностей структурного построения грамматик может оказаться полезным для сравнительного изучения как грамматических трудов разного времени в рамках одной грамматической традиции, так и работ – представителей различных грамматических учений.

Литература

Граматики Л. Зизания и М. Смотрицкого / Сост. Е.А. Кузьминова. М., 2000.

Сулимова Н.Г. История развития испанской грамматической мысли (XV–XIX вв.). М., 2005.

Некоторые аспекты сопоставительного изучения глаголов испанского языка *llegar* и *venir*

Новикова Наталия Кирилловна

Студентка Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва

Два глагола, *llegar* и *venir*, создают трудности при переводе с русского на испанский язык. Они многозначны, но в своем первом основном значении являются синонимами: *venir* – *приходить, приезжать, прибывать*; *llegar* – *прибывать, приезжать, приходить* [Большой испанско-русский словарь]. По материалам словарных статей [Moliner; Diccionario de la lengua española de Real Academia Española; Mora] в качестве дифференцирующих черт однозначно можно выделить: сему достижения предела, временного или пространственного, у *llegar*; сему ожидаемости действия у *llegar*; сему прибытия с целью остаться у *venir*.

Остальные признаки неоднозначны: оба глагола сочетаются как с одушевленными, так и с неодушевленными субъектами; сема, обозначающая прибытие в место нахождения говорящего, присутствует у обоих глаголов; *venir* обозначать как неожиданное действие, так и действие, включенное в некоторую последовательность.

Таким образом, проблема заключается в близости основных значений двух глаголов вплоть до случаев неразличения в одном контексте, что, однако, не позволяет говорить об отсутствии семантических различий между ними в указанном значении. Материал толковых словарей подтверждает наличие семантических различий, но не является достаточным для выявления более или менее однозначных дифференциальных признаков, знание которых необходимо для корректного употребления глаголов при переводе с русского языка на испанский. Изучение семантического поведения глаголов в речи путем анализа контекстов по элек-

тронной базе данных www.corpusdelespanol.com позволило установить семантические предпочтения глаголов при сочетании с разными типами субъектов и обстоятельств и сформулировать ряд релевантных признаков.

Статистический подсчет показал, что *llegar* более ориентирован на предел, конечную точку движения, а в семантике *venir* заложено указание на источник, место отправления: *venir hasta* (до) – 35 контекстов по сравнению с 900 на *llegar hasta*, в то время как *venir de* (из) – 900 контекстов по сравнению с 30 у *llegar de*.

Vete. Claro que me voy a largar en s\:\guida, pero no comprendo por qué la voz que LLEGA a la sala de baño tiene que VENIR del suelo, como si ahora ella fuera un gusano.

Хотя субъект один и тот же, для описания его перемещения в пространстве используются оба глагола: один указывает на «пункт назначения», другой – на источник.

Hay para más de ocho días de trabajo sólo aquí. Las carretas, ¿LLEGARON? – En c a m i no VIENEN tres. Para mandarle la carne al llavero, suficiente.

Субъект один и тот же, но тема первой реплики – прибытие, а второй – перемещение.

Обстоятельства образа действия и обстоятельства цели имеют явную тенденцию к сочетанию с *venir*.

Исследование субъектов показало, что *llegar* в 2 раза чаще сочетается с неодушевленными субъектами (40% и 20% соответственно).

Дальнейший анализ контекстов позволил сформулировать 2 более сложных семантических признака: соотносительность в пространстве субъекта речи и субъекта действия и ожидаемость действия для субъекта речи. Исследование подтвердило традиционно выделяемое различие: *venir* обозначает прибытие в пункт, где находится говорящий, в то время как для *llegar* такое уточнение нерелевантно.

Salió ya? – Está sacando la silla y la labor. Ya se sienta – su voz se hizo repentinamente apremiante – ¡El Peón VIENE por la esquina de la calle! El corazón del Mochuelo se puso a bailar locamente

Venir обозначает действие непредвиденное, контрастирующее с ожиданиями, не укладывающееся в цепочку других действий. *Llegar* обозначает действие, укладывающееся в последовательность других событий.

una orden de busca y captura de Ramón Martín de Castejón. Falcón. – No es necesario, señor juez. Está aquí en la puerta. Juez. – ¡Caracoles! ¿HA VENIDO él voluntariamente? Falcón. – No, señoría. Le ha entregado el pueblo

-¿LLEGÓ hace pocos meses a Estados Unidos? –LLEGUÉ ... salí de Cuba en el mes de diciembre, LLEGUÉ a México, y en México pasé para los...

Шесть выявленных дифференциальных признаков: одушевленность / неодушевленность субъекта, указание на пункт отправления / пункт прибытия, указание на способ совершения действия, указание цели

прибытия, соотнесенность в пространстве субъекта речи и субъекта действия, ожидаемость действия для субъекта речи – не действуют облигаторно и независимо друг от друга, а вступают во взаимодействие и образуют определенную иерархию, то есть в присутствии более существенных признаков другие признаки могут не учитываться.

1. Неодушевленный субъект будет скорее всего сочетаться с *llegar*, но указание на пункт направления является достаточным основанием для употребления *venir*.

Te mostraremos anillos, collares, ajorcas y zarcillos que nos VIENEN de muy lejos –ha dicho Nadua

2. Когда речь идет о «единичном», «беспрецедентном» действии, не включенном в цепочку событий, даже при неодушевленном субъекте допустимо употребление *venir*.

En cada arruga martirizada de su rostro latía un odio implacable. Comenzaron a crujir las copas altas. – VIENE una tormenta grande – comentó Basilio. – ¡La guitarra! – se acordó Miguelí, y salió corriendo. Basilio lo vio alejarse, intrigado.

3. При этом обстоятельство образа действия может быть достаточно существенным признаком, чтобы *venir* обозначал и ожидаемое действие.

muy bajo y ni vos ni vuestras gentes han comido ni bebido hoy, hace mucho calor y todavía no HAN LLEGADO nuestros peones, ballesteros y lanceiros que VIENEN con las carretas.

4. *Venir* будет обозначать ожидаемое действие, если это движение в пункт нахождения говорящего.

a mi mujer ¡En qué enredo me he metido! Calló y miró hacia la reja. Agregó después: – VIENE todos los días a dejarme el almuerzo y la comida, y hasta ha traído un abogado.

5. Для *llegar* признак ожидаемости превосходит по значимости признак направления движения. Поэтому употребление *llegar* возможно и в тех случаях, когда прибытие осуществляется в точку, где находится говорящий.

Nos sentamos en unas bancas, desazonados. El Azarcón, acostumbrado ya a mi compañía, se sentó a mi lado y me ofreció cigarrillos. – Puede que LLEGUE pronto el juez –dijo

6. Указание места назначения может быть существеннее ожидаемости. В этих случаях возможно употребление *llegar*, а не *venir*, даже если речь идет о неожиданном, не укладывающемся в последовательность действия.

un campesino va de caza lo multan, pero si el Partido Comunista tiene un evento, mandan a cazar 160 jutías para dar una gran comida. También de pronto LLEGAN ante un campesino y le piden, sin mucho miramiento, mil mazorcas de maíz gratis para una escuela

Литература

- Большой испанско-русский словарь / Под ред. Б.П. Нарумова. М., 2005.
Diccionario de la lengua española de Real Academia Española. Madrid, 2001.
María Moliner. Diccionario de uso de español. 2 vol. Madrid, 2003.
José Joaquín de Mora. Colección de sinónimos de la lengua castellana. Madrid, 1855.
www.corpusdelespanol.com

**О бинарной пространственной оппозиции «верх-низ»
в испанской языковой картине мира**

Овчинникова Алла Владиславовна

Студентка Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва,

Механизмы формирования молодежного жаргона многообразны. Далее мы рассмотрим некоторые из них, характерные для испанского молодежного жаргона.

Одних из механизмов формирования молодежного жаргона является смена лексического регистра. Для смены регистра молодежный жаргон пользуется приемом дисфемизации (то есть грубого или непристойного обозначения изначально нейтрального понятия с целью придания ему негативной смысловой нагрузки или просто для усиления экспрессивности речи), частым употреблением пейоративов, интенсификаторов, междометий. Последние два приема в своем применении полностью зависят от коммуникативной задачи говорящего. Часто одно и то же выражение может выражать противоположные оценки. Например, *hostia!*, *vaya hostia!*, *manda huevos!* и пр. – выражение удивления, причем как с положительной оценкой, так и с отрицательной.

В молодежном жаргоне существует собственный обширный фонд фразеологических единиц. Как и в стандартном языке, присутствуют все виды фразеологических сочетаний – от аналитических единиц до сращений. Популярным приемом является устойчивой сравнение (*estar más fresco que una lechuga; engañar como a un chino, aburrirse como una ostra, estar como una ceba/cuba/una sopa, estar más perdido que un pulpo en el garaje*). Оно, как правило, несет в себе большую долю экспрессии и оценки. Нередко возникает окказиональных сравнений в речи молодежи.

Займствования занимают огромное место в системе формирования молодежного жаргона. Это один из самых продуктивных механизмов формирования неологизмов и обновления лексики, особенно в определенных сферах.

Одна из основных функций современных займствований – оценочно-эмотивная, в отличие от займствований в аргю, исторически выполнявших функцию кодирования информации. В некоторых областях займствования активно выполняют номинативную функцию для заполнения языковой лакуны. Это такие сферы, как наркотики, музыка и осо-

бенно современные технологии. (zapin, reality show, webcam, webadmin, online, offline, screenshot, email, icq, hacker и пр.)

Основной корпус заимствованной лексики составляют англицизмы, но есть редкие вкрапления единиц других языков. Важным источником в прошедшие десятилетия являлось арго маргинальных слоев общества. Исторически значимым оказывается также влияние языка кало (chabal, bata, currelar и пр.)

В молодежном жаргоне представлены некоторые приемы фонетического словоизменения, но не все существующие в разговорной речи. Такие изменения не всегда бывают чисто фонетического и фонологического характера и оказываются связанными с другими уровнями языка (морфологией).

Наиболее продуктивными приемами словоизменения являются усечение, редупликация, ономотопея, фонетическое варьирование, то есть те механизмы, которые позволяют сделать речь более оригинальной и привлекающей внимание (anfeta, bocata, depre; foqui-foqui, ñаса-ñаса, charrar и пр.).

Морфологические трансформации играют важную роль в образовании лексем молодежной речи. Наиболее распространенными из них является суффиксация, аббревиация, сращение. (npi (=ni puta idea), bi (=bisexual), eme (=mierda); drogota (=drogadicto), grifota (=fumata) и пр.

Широкое употребление оценочных суффиксов, особенно уменьшительно-ласкательных со значением привязанности – одна из характерных черт современной молодежной речи. В отличие от 80-х годов, современная молодежь все меньше использует радикальные приемы морфологического изменения. Чаще употребляются суффиксы -ito, -illo. Последний переосмысливается в молодежной речи и прибавляет к своему обычному значению коннотацию положительной оценки. Еще одним популярным суффиксом является многозначный -azo.

Молодежная речь иногда использует суффиксы, не характерные для стандартного языка (ote, ete, ota). Исследователи указывают на арготическое происхождение данных суффиксов.

Обобщая приемы семантического сдвига, следует отметить, что в молодежной речи преобладают средства, помогающие повысить экспрессивный модус лексемы и обладающие явными оценочными коннотациями. (ballena, pulpo, percebe, gallo, faros, viejos, pistola и пр.). В целом, в молодежном жаргоне наблюдаются те же модели переосмысления и метафоризации, что и разговорной речи. Часто оказывается возможным установить основу для сравнения, основание для изменения значения, но иногда метафора оказывается темной, непонятной. Те понятия, которые принято обсуждать более открыто и которые менее табуированы в традиционном обществе, как правило, подвергаются меньшей зашифровке, чем однозначно табуированные сферы (секса, наркотиков).

К истории переводов «Тихого Дона» М.А. Шолохова в Испании

Симонова Мария Владимировна

Аспирантка Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва

В истории переводов «Тихого Дона» в Испании можно выделить два периода.

Первый период начинается в 1930-м г. (с момента появления первого перевода «Тихого Дона») и длится до середины 1950-х гг., это время не прямых переводов, выполненных, как правило, с языков-посредников (французского и немецкого).

Второй этап начинается с середины 1950-х гг. и длится по настоящее время. Началу второго этапа послужило возвращение испанских репатриантов на родину (в Испанию) и появление более качественных прямых переводов.

Впервые роман М.А. Шолохова «Тихий Дон» на испанском языке печатается в 1930 г. в переводе Висенте Медина и Хосе Карбо. Изменены фамилия и имя автора (*Miguel Cholokhov*), а также название самого произведения «*Sobre el Don apacible*» («О тихом Доне»). Авторский эпиграф, который состоит из двух казачьих песен, дополнен третьей песней: *Ven conmigo sobre el Don apacible. // Con nosotros, en el Don, no se vive como entre vosotros* (Поедем со мной к нам на Дон. // У нас на Дону да не по-вашему живут). Все эти изменения, возможно, отражают издательскую политику того времени.

Перевод 1930 г. изобилует русизмами в немецком и французском обликах: *khutor, khokhol, tchekmen, Grischka, zapoï, kvass*. Значение многих лжереалий, встречающихся в тексте, еще больше затемнено комментариями к ним: например, *kacha – especie de sopa* (каша объясняется как вид супа). Русские антропонимы подменены испанскими аналогами: *Pedro* вместо *Петро*; *Nicolás* вместо *Николай*; *Ana* вместо *Анна*.

В мадридском издании 1930 г. все сноски и авторские пояснения опущены переводчиками, возможно, как следствие опущений в переводах-посредниках. Помимо этого, сокращены или опущены некоторые поэтические описания природы, по-видимому, такая правка соответствовала «представлениям о хорошем вкусе, требующем ясности и стройности повествования, с точки зрения переводчика, в оригинале перегруженного излишними подробностями и рассуждениями [Оболенская: 189].

Второй этап в истории переводов «Тихого Дона» на испанский язык открывается изданием перевода Ф. Алькantara и Д. Пруна (в этом переводе появляется второй вариант написания имени и фамилии автора *Mijail Cholojov*).

В тексте перевода 1966 г. сохранена тенденция передачи имен во французской орфографии: *Melekhov, Astakhov, Duniachka, los Chamiles*. Некоторые слова-реалии поясняются в сносках (*kwass – bebida no alco-*

hólica, fermentada, hecha con pan de cebada y agua hirviente), но большинство просто выделено в тексте графически.

Для текста перевода характерны переводческие опущения и вставки. В основном, опущения являются результатом непонимания текста или сложностей при переводе слов-реалий, а переводческие вставки отражают желание переводчиков разнообразить текст, пояснить некоторые детали или придать комический оттенок. В следующем примере вся информация, взятая автором в скобки, опущена переводчиками, возможно, из-за непонимания отдельных слов – *десятина, нарезать (землю)*: «*Вскоре после этого генерал подал в отставку, перебрался в Ягодное (земля его – четыре тысячи десятин, – нарезанная еще прадеду за участие в Отечественной войне 1812 года, находилась в Саратовской губернии) и зажил чернотелой, суровой жизнью*».

Ярким примером переводческих вставок служит следующий абзац, дописанный переводчиками, как желание показать страдания слуг, образ жизни богатых людей и их отношение к простым «смертным»:

“*Más tarde, cuando veía a su amo escupir la carne, después de haber masticado las chuletas de pava, pensaba para su capote: «Lástima de comida que se pierde. El apenas las aprovecha, mientras yo sufro retortijones de estómago, ¡es lo mismo que el perro en el heno!» ¡Si tratara de comerme lo que deja, quizá no lo vomitaría!» Ensayólo por vez primera y no le fue mal, a partir de aquel día, al final de cada comida, se llevaba el platillo de plata y tragaba rápidamente lo que el doctor había prohibido comer a su señor. Por esta razón o por otra, el caso es que empezó a engordar y su rostro se puso lucido como si le hubieran frotado con aceite»* (Позднее, наблюдая, как его хозяин выплевывал мясо, обглодав индюшачьи косточки, он говорил сам себе: «Жаль ту еду, которая пропадает. Он не получает от нее никакой пользы, в то время как я страдаю заворотом кишки, не себе – не людям. Если бы я попробовал доедать за ним, может, у меня не было бы рвоты». Попробовав один раз и не вырвав, с этого дня в конце каждого обеда он забирал серебряную тарелку и быстро проглатывал, что доктор запретил его хозяину есть. Из-за этого или по другой причине, но он начал набирать в весе и его лицо стало блестеть, словно его намазали маслом).

Более современным переводом «Тихого Дона» на испанский язык является перевод Хосе Лаин Энтральго (1975). Это первое издание, в котором отмечено «*traducción del guso*» – перевод с русского языка. Впервые имя автора передано на испанском языке в соответствии с испанскими орфографическими и просодическими нормами: *Mijaíl Shólojov El Don apacible*.. В своем переводе Х. Энтральго строго придерживается фонетических, фонологических и просодических законов и правил испанского языка: *Mélejev, Vorónezh, Yágodnoe, Panteléi Procófiévich*.

Слова-реалии, описывающие своеобразие эпохи, быт, достаточно подробно объяснены в сносках: *Tachanka – carricoche descubierto de cuat-*

ro ruedas. En la guerra civil se empleó mucho con una ametralladora montada en la parte trasera. (Тачанка – открытая повозка на четырех колесах. Во время гражданской войны она много использовалась с пулеметом в кузове). Слова, такие как vodka, versta, давно вошедшие в испанский язык, никак не выделены.

Впервые у Энтральго находим пояснения русских традиций, незнание которых может вызвать непонимание: переводчик находит нужным объяснить русскую свадебную традицию кричать «Горько!»: *Amargo – según una vieja costumbre popular, en las bodas, cuando alguien grita gorko quiere decir que el vino le parece amargo y sólo los recién casados, al besarse, pueden volverlo más dulce.* («Горько!» – древняя народная свадебная традиция, согласно которой, когда кричат «Горько!» – хотят сказать, что вино им кажется горьким, и только молодожены, поцеловавшись, могут опять сделать его сладким).

Перевод Энтральго выполнен на достаточно высоком профессиональном уровне и почти лишен смысловых и лексических ошибок. В настоящее время перевод Х. Энтральго остается самым современным и издаваемым в Испании.

Еще раз стоит отметить, что ранние переводы «Тихого Дона» были выполнены с немецких или французских переводов, и только более современные издания, среди которых можно выделить перевод Х.Л. Энтральго, выполнены непосредственно с русского языка, и являются более полными и адекватными.

Литература

Оболенская Ю.Л. Диалог культур и диалектика перевода. М., 1998.

Miguel Cholojov. Sobre el Don apacible. Libro 1 / Tr. de Vicente S. Medina y José Carbó. Madrid, 1930.

Mijail Cholojov. El Don apacible / Traducción de Fr. Alcántara y D. Pruna, 1966.

Mijail Shólojov. El Don apacible. Novela en 4 libros / Tr. del ruso por José L. Entralgo. Moscú. 1975.

К вопросу о коммуникативных характеристиках текстов пресс-релиза (на материале испанского языка)

Тихомирова Анастасия Владимировна

Аспирантка Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва

Связи с общественностью (PR) являются одной из форм профессиональной коммуникативной деятельности. Применительно к PR коммуникация понимается как информационные действия в нечеткой информационной среде [Почепцов: 160], т. е. как сознательно создаваемый и контролируемый феномен глобального масштаба, оказывающий влияние на общественное мнение. Переход современного общества на информационную стадию и формирование «инфосферы», понимаемой как «совокупность форм и методов производства, кодирования, хранения, переработки и передачи информации в обществе» [Володина: 15], означает, что необхо-

димую для жизнедеятельности информацию индивид получает не из реальности/физического опыта, а из информационной среды/интеллектуального опыта, а за формирование информационной среды во многом отвечают PR-коммуникаторы.

Пресс-релиз является классическим примером современной вербальной информационной коммуникации, текст которого может быть рассмотрен с точки зрения многих коммуникативных моделей. В частности, интересны идеи Жака Лакана, считавшего, что функция языка «не информировать, а вызывать представление» [Лакан: 69], теория речевых актов Джона Серля [Серль] и семиотическая модель Романа Якобсона [Якобсон: 198]. В жанрово-стилевом аспекте пресс-релиз можно охарактеризовать как текст информационного подстиля газетно-публицистического стиля, который допускает включение элементов официально-делового (стилистически окрашенные эпитеты *seguridad activa*; юридическая лексика (*términos y condiciones a*); избыточное употребление причастий и причастных конструкций (*los hechos reflejados en el reportaje citado*); частое употребление наречий на *–mente* (*presuntamente, adicionalmente*); длинные перечисления и синонимические ряды; использование сложных стилистически окрашенных союзов и союзных конструкций); научного (профессионализмы из сферы деятельности компании, отсылка к подсчетам и исследованиям) и даже художественного стилей (используются фигуры речи, например, метафоры (*el Grupo destinará al saneamiento de sus inversiones en*), олицетворения (*El acuerdo suscrito contempla la posibilidad de*); параллелизмы (*siguiendo el principio de protección hacia fuera y transparencia hacia dentro*) и др.

Модель коммуникативного акта для связей с общественностью предложил Г. Лассуэлл [Галумов: 93]: коммуникатор (генерирует и передает сообщение), сообщение (что передается), канал (канал, по которому осуществляется передача), аудитория (кому направлено сообщение) и эффективность. С одной стороны, в тексте имплицитно (авторского «я» в пресс-релизе нет) присутствует отправитель, он же коллективный автор информационного послания, который выстраивает текст в зависимости от информационных потребностей целевых групп, или аудиторий (фактор адресата). Эта деятельность составляет первичную коммуникацию, т. е. исходящую от источника информации. Критерием оценки работы автора является отдельный компонент схемы – эффективность (иначе: диагностика вторичной коммуникации, т. е. результат, полученный от распространения информации), которая отражает результат каждого коммуникативного акта и влияет на будущую коммуникативную стратегию.

В контексте эффективности стоит принять во внимание имиджевый подход, т. к. фактор репутации (авторитета) в информационном PR игра-

ет одну из ключевых ролей. Имиджевый аспект проявляется в соотносительности внутренней и внешней информации в пресс-релизе (вовлеченность новости «от компании» в общесобытийный контекст) и цитату, как составляющий элемент текста пресс-релиза. Для иллюстрации взаимосвязи внутренней и внешней информации обратимся к пресс-релизу компании Endesa, который написан с целью дать официальный ответ компании на информацию о сбое на транспортных маршрутах (Unelco Endesa niega rotundamente la información vertida sobre la supuesta relación de <...> la situación crítica actual en las líneas de transporte como consecuencia de la tormenta tropical). Текст можно признать информативным, но жанр тяготеет к программному заявлению антикризисного характера, в тексте присутствует большое количество элементов официально-делового стиля: безличные конструкции (se menciona en la información difundida), стилистический имперфект (En el citado Decreto se hacía referencia a), стилистически маркированные слова с деловыми и юридическими коннотациями; усложненный синтаксис (Esa línea de 220 kV entre Candelaria y Granadilla supuso, precisamente, la alternativa a esa de 66 kV que se describía, la cual, además, ha sido reparada), особенности структуры текста и др., элементы (часто декларативы) программного заявления (quiere agradecer la comprensión de sus clientes, su comportamiento, así como reconocer la labor infatigable de todos los empleados). Для поддержания имиджевой составляющей заявления обычно используется лексика, организованная вокруг концепта «развитие»: aspira a ser cada vez más líder, aumenta la calidad, muestra un fuerte compromiso con, se traduce en más crecimiento económico, establecer y consolidar sistemas, desarrollo y oportunidades. Отсутствие событийности компенсирует включение механизма обоснования выдвинутого тезиса. При этом основным стилиобразующим элементом становится логическое противопоставление (ситуация как она есть – тезис (=предложение) – вероятный сценарий развития событий с учетом этого тезиса). С коммуникативной точки зрения характерной особенностью пресс-релизов, построенных на цитате, является роль авторитета (автора заявления).

Литература

- Володина М.Н. Язык СМИ – основное средство воздействия на массовое сознание // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. Ч. 1. М., 2003.
- Галумов Э.А. Основы PR. М., 2004.
- Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. М., 1995.
- Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. М., 2001
- Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. № 17. М., 1986. С. 170–194
- Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975.